

Михаил Чумалов

БЕЗ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

Железнодорожная повесть

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДРАКОН

Рассказы и сказки

Иллюстрации Сондры Тани

Издательство АСТ
Москва 2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч90

Все права защищены.
Любое использование без разрешения
правообладателя запрещается.

Чумалов, Михаил.

Ч90 Без времени и места / М. Чумалов. — Москва :
Издательство АСТ, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-17-173870-9

Повесть «Без времени и места» переносит читателя в 1982 год. С пассажирами обычного советского поезда случаются в пути не вполне обычные истории — забавные, драматические, курьёзные, загадочные и даже мистические. Только на последних страницах читатель узнает, кто виновник всех передряг и каким образом эти отдельные истории связаны между собой. В книге также публикуется цикл рассказов «Человек и его дракон». Это десять историй о внутренних «драконах»: о страстях и идеях, буруевающих человека, архетипах его сознания.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-173870-9

© Чумалов М., текст, 2025

БЕЗ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

Железнодорожная повесть

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далёкое,
Слушая ропот колёс непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

И. Тургенев

*Что-то с памятью моей стало:
Всё, что было не со мной, помню.*

Р. Рождественский

ВРЕМЯ, МЕСТО И ПРОЧЕЕ

Чтобы написать более или менее приличный рассказ или повесть, нужно не так уж и много: единство места и времени, герой и сколько-нибудь внятный сюжет.

Но скажите на милость, где я возьму всё это в скором поезде? Где я *найду место* в раскачивающемся на стыках вагоне, который мчится со скоростью сто двадцать километров в час? Сейчас он здесь, а не успеешь чаю попить, как за окном уже совсем другие края. Вчера ты заснул в субтропиках, сегодня проснулся среди донских степей, позавтракал, покурил — и поезд уже в сердце среднерусской равнины.

Где я, чёрт побери, возьму вам в поезде нормальное время? Здесь оно не течёт, как везде, от прошлого к будущему, а топчется на одном месте или колеблется, как кисель в чашке. В дороге время разбивается не на часы и минуты, а на промежутки от одной остановки до другой. Здесь спят и едят не тогда, когда положено, а когда надоедает пялиться в окно.

Мало того, что моё прошлое закончилось безвозвратно, а будущее настолько призрачно, что и говорить о нём нечего, так и настоящее ведёт себя причудливо. Я просто увяз в безвременье, как древняя муха в янтаре.

Разве можно говорить о *сюжете* там, где ровным счётом ничего не происходит? Где прогулка через гремящие тамбуры в вагон-ресторан или покупка малосольных огурцов на полустанке составляют содержание целого дня.

А что касается *героя*, так это вообще курам на смех. Небритая помятая личность, очнувшаяся от похмельного сна на третьей багажной полке плацкартного вагона — не герой, а чёрт знает что. У него и билета-то нет, и лишь по милости получившего мзду проводника оказался он здесь. На бёдрах у него синяки от жёсткой полки без матраца, в голове — туман и смятение, вызванное полной потерей идентификации, а в душе — недоверчивое изумление из-за открытия в себе чувств, о которых раньше и не подозревал. Кризис среднего возраста, видите ли, застал его на излёте третьего десятка лет — всё не как у нормальных людей. Нет, на роль героя этот тип не сгодится. Герой — это субъект решительного действия. А этот только лежит на своем ложе, предназначенном не для людей, а для чемоданов, под самым потолком купе да грезит об иных местах и временах, где возможно счастье.

Впрочем, это и есть я, автор. Познакомимся. Героем этого рассказа быть не претендую, здесь я только наблюдатель.

— Ну тогда наблюдай, — говорю я сам себе. — Рассказ-то надо продолжать, раз уж взялся. Посмотри вокруг: в этом поезде — шестьсот мест и столько же пассажиров, не считая проводников, машинистов и официанток вагона-ресторана. Неужели не найдется среди них кого-то, кто достоин быть героем твоего рассказа?

Вот, погляди: едет рядом молодой человек, похожий на тебя самого лет семь назад. На нём модная в интел-

лигентских кругах бородка а-ля Хемингуэй и в руках книга Курта Воннегута, выражение лица многозначительное, — всё выдаёт столичного студента или аспиранта. При этом вид у него мужественный, лицо загорелое и обветренное, широкие плечи и сильные руки в мозолях, пропылённые джинсы. При нём выдавший виды брезентовый рюкзак. Не иначе как археолог. Чем тебе не герой? Поговори с ним и — я уверен — найдётся тебе тема для рассказа.

Или вот ещё: каким образом оказался здесь, в плацкартном вагоне, этот задумчивый мужчина в строгом костюме при галстучке, лакированных туфлях и с чёрным «дипломатом» в руках? Он нелюдим и будто напуган. Не скрывается ли тут интрига?

Обрати внимание и на эту загадочную личность, лежащую на верхней боковой полке лицом к стене вагона. За полдня езды этот человек ни разу не повернулся к людям и не издал ни одного звука. Кто он? О чём печалится, какие страсти его обуревают? А ещё лучше: поройся в своих воспоминаниях. Тысячи людей встретились тебе в жизни, и у каждого есть история, достойная рассказа.

Хотя и нет у меня сейчас настоящего, и будущее неясно, но прошлое-то осталось, и оно живёт в моей душе, терзает её и рвётся наружу, как шаловливый щенок. Стоит закрыть глаза, как полузабытые тени прошедшего обретают формы, краски, запахи и голоса. Времена смешиваются и путаются, наползают друг на друга и обрастают деталями, которых быть в них не должно. Огромный мир съёживается и вмещается в купе поезда. Оживают те, кого уже нет на этом свете, а те, кто далеко, оказываются рядом — только руку протяни. Они живут своей жизнью, говорят, спорят, любят и враждуют, совершают большие дела и мелкие глупости. И уже не разберёшь, что из этого было на самом деле, а что придумалось мне, когда я лежал на третьей багажной полке плацкартного вагона, уставившись глазами в потолок.

СИМФЕРОПОЛЬ. ВОКЗАЛ

Четвёртого октября 1982 года скорый поезд №8 «Нева» сообщением Севастополь — Ленинград прибыл на симферопольский вокзал точно по расписанию в 12 часов 39 минут. Локомотив притащил из режимного города морской славы восемнадцать полупустых вагонов. Зато на платформе было оживлённо: здесь ожидали посадки три сотни пассажиров.

У открытых дверей двенадцатого плацкартного вагона, где молоденькая проводница проверяла билеты, собралось два десятка отъезжающих. Андрей, подошедший к вагону последним, пристроился в конец небольшой очереди и принялся разглядывать своих попутчиков.

Пляжный сезон закончился, и курортников, заполнявших симферопольский вокзал в летние месяцы, было немного. Ленинградцев и москвичей Андрей определил сразу. Вот пожилой седовласый мужчина болезненного вида, худой и сутулый, одетый в длинное, не по погоде пальто. Целительный отдых на южном побережье, похоже, не пошёл ему на пользу: мужчина выглядел измождённым и явно чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Он ёжился и прятал лицо за поднятым воротником, словно пытался быть незамеченным кем-то, находившимся здесь же, на перроне. Вот молодая пара с большим чемоданом, которая ничем не привлекла внимания Андрея. В нашем рассказе они участия не примут. Да ещё прогуливались по перрону, покуривая, два мужика за пятьдесят с загоревшими и испитыми лицами. Эти двое, видимо, отбыли полный срок профсоюзной путёвки в одном из санаториев Южного берега, где оздоровительным процедурам и минеральным водам предпочитали масандровские вина и карточные игры. Их лица не выражали ничего, кроме усталости.

В остальных пассажирах угадывались крымские аборигены. Первым у двери стоял мужчина сред-

них лет, выделяющийся среди других своей одеждой. На нём был строгий чёрный костюм, белая рубашка с галстуком и отчаянно блестящие на солнце чёрные лакированные туфли. В руках он держал чёрный же «дипломат». В спальном вагоне такой наряд не вызвал бы никаких вопросов, но здесь, среди разноцветной и небогато одетой толпы обладателей плацкартных билетов, этот «чёрный человек» выглядел белой вороной.

Мужчина нервно подёргивал плечом, и этому была причина. За его спиной стояла женщина неопределённых лет и столь же неопределённой внешности, державшая за руку мальчика лет десяти. Ребёнок выглядел и вёл себя, мягко говоря, странновато. Уставив взгляд в стену вагона и совершенно не обращая внимания на окружающих, мальчик громко пел, но песня его ограничивалась одной только фразой.

— Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам... пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам... — монотонно повторял он эти слова опять и опять, как испорченная пластинка. Заевший Мальчик — так назвал его про себя Андрей, который привык давать встреченным им людям прозвища, понятные ему одному.

Следом дожидался своей очереди аккуратно одетый поджарый молодой мужчина с восточным лицом и прямой осанкой, держащийся гордо и как бы отстранённо. В нём Андрей узнал представителя обиженного Сталиным национального меньшинства, которое когда-то было здесь национальным большинством и до сих пор не может смириться с этим фактом.

Дальше мужчина постарше и покрупнее в потрёпанной матерчатой куртке, с зычным голосом, большими руками и усами цвета спелой пшеницы — представитель национального большинства, которое ещё недавно было здесь меньшинством и тоже не может смириться с этим. У Андрея он получил прозвище Пшеничные Усы.

Наконец, по-южному дородная и румянощекая хлопотливая тётя — переспелый плод благодатной земли — с бесчисленными сумками и авоськами и что-то жующим дитём мужского пола, таким же дородным и румянощёким.

Быстро оглядев остальных и не найдя для себя ничего интересного, Андрей переключил внимание на проводницу. Весёлая хохотушка с живым лицом, приятно налитым телом и звонким голосом выгодно выделялась среди вялой толпы. Было ощущение, что девушка уже приняла на свою рвущуюся из-под форменной куртки грудь нечто такое, что придало её природной живости дополнительную энергию. Ей было лет двадцать, не больше, и, судя по стройотрядовской куртке с нашивками, какие назывались тогда «бойцовками», проводница была студенткой какого-нибудь украинского вуза или, скорее, техникума, подрабатывающей в летний период на железной дороге.

Андрей не раз ездил по южной трассе, и такой типаж был ему знаком. За месяц-другой поездной жизни, ошалев от внимания пассажиров и щедрых чаевых, студентки-проводницы забывали строгость своих провинциальных мамаш, привыкали пить, курить, драть нещадно деньги с безбилетников и зарабатывать всеми многочисленными уловками, изобретёнными на железной дороге, а главное — становились доступны для проезжих ловеласов разных возрастов.

Андрей с удовольствием пропел про себя: «Она стоит королевой, машет ручкою левой, в синем кителе она хороша — её важное дело, её нежное тело и до ужаса большая душа... Проводница! Ламца-дрица!». Так девушка, которую звали Оксана, тоже обрела прозвище в этом рассказе — мы вслед за Андреем будем звать её Ламцадрица.

Тут внимательный читатель вправе укорить меня за небрежность: эта песня впервые прозвучала лет через пятнадцать после описываемых здесь событий. Я знаю

это, дорогой читатель, но поделаться ничему не могу. Дело в том, что времена в наших воспоминаниях ведут себя своенравно: они обмениваются деталями, не спрашивая ничего разрешения. Впрочем, хорошая песня уместна всегда. Да и проводницы во все времена те же.

Конечно, в других обстоятельствах Андрей заметил бы и некоторую грубоватость лица проводницы, и излишнюю, не по возрасту, тяжесть в талии, и плохо покрашенные волосы, выбивающиеся из-под засаленного синего берета. К тому же, на вкус москвича, держалась она вульгарно. Но стоило ли обращать на это внимание?

Сентябрь Андрей — аспирант-историк — провёл в степи возле Евпатории на археологической базе Московского университета, помогал друзьям-археологам как подсобный рабочий, землекоп. Сам Андрей археологом не был, а обязательную для всех студентов практику прошёл ещё первокурсником, так что особой необходимости тратить время каникул на тяжёлый труд не было. Но он любил экспедиционную жизнь: любил спать на нагретой за день земле под безбрежным южным небом, ловить ноздрями терпкий степной воздух и стряхивать по утру росу с палатки. Ему нравилось, обливаясь потом под злым крымским солнцем, долбить киркой окаменевшую, спекшуюся на жаре землю, отгребать её лопатой, срывать мозоли и чувствовать, как тело наливается крепкой мужской силой.

Больше городских ночных развлечений он ценил вечерние посиделки при свете самодельных ламп — их делали из свечей и пустых бутылок с выбитым дном — песни под гитару, неспешные разговоры за стаканом вина. Ему нравилось встречать приезжающих из Москвы новичков с чуть усталым видом бывалого копателя. Даже каждодневные хлопоты о том, где бы достать немного денег на вечернюю выпивку, оставляли приятные воспоминания. Словом, он любил всё, что составляет сумбурную экспедиционную жизнь: кто её знает, поймет, а кто не знает, тому всё равно не объ-

яснишь. Поэтому уже третий год подряд Андрей приезжал сюда, но не летом, когда на раскопе учат азам археологической работы первокурсников, а в сентябре, когда остаются только свои, сильные и бывалые, когда работают на износ, без выходных, не за запись в зачётке, а за идею и интерес.

В этом году работали особенно упорно. Ещё летом начали расчистку скифского могильника, который казался неразграбленным, и потому торопились, чтобы вскрыть его до окончания полевого сезона. Так что о девушках пришлось на время забыть. Да и где их взять — сезон закончился, отдыхающие из окрестных посёлков поразъехались, до города добираться неблизко, и сил к вечеру уже не оставалось. Так что даже будь проводница постарше и подурнее, скорее всего, она всё равно бы показалась Андрею привлекательной.

Пассажиры уже прошли в вагон, и Андрей остался у дверей один на один с проводницей. Протягивая билет, он поднатужился и выдал девушке такой неуклюжий и двусмысленный комплимент с претензией на галантность, на какой бы при других обстоятельствах не отважился. Что-то о том, что поездка в этом поезде обещает быть весьма приятной, потому что здесь такие замечательные проводники, которые так любезны с пассажирами, но не все могут это оценить по достоинству, а те, кто могут, те... Тут он окончательно запутался и закруглил фразу, нимало, однако, не смутившись. Андрей знал, что его низкий бархатистый баритон производит куда более сильное впечатление, чем слова, которые он им произносит.

Ответом был кокетливый взгляд и сдавленный смешок, из чего Андрей понял, что нужный эффект произведён. Он достал сигарету, закурил и стал лихорадочно придумывать следующую фразу, чтобы закрепить успех.

— До отхода поезда осталось пять минут, — хрипло объявил репродуктор. И тут за спиной Андрея раздал-

ся топот и детские голоса. По перрону, волоча за собой сумки и рюкзаки, накатывала небольшая, человек пятнадцать, но шумная толпа подростков в одинаковых белых рубашках и пионерских галстуках.

— Здесь... Сюда... Двенадцатый... — пронеслось по перрону, и пионеры сгрудились у дверей вагона, толкаясь и нетерпеливо притоптывая. Из толпы выдвинулись и насели на проводницу две фигуры постарше: девушки за двадцать, невысокая блондинка в такой же, как у детей, белой сорочке и красном галстуке и стройная брюнетка в джинсах и чёрной свободной блузе. Обе загорелые, дышащие молодостью и свежестью недавнего отдыха. «Вожатые, ленинградки, — понял Андрей, — везут детей со смены в "Артеке" домой».

Только успели запихнуть детей в вагон, поезд тронулся. Как ни старалась проводница загнать туда Андрея вслед за пионерами, но тот был твёрд: сначала помог войти ей самой, галантно подтолкнув под талию, и только потом шагнул сам в ускоряющий ход вагон.

СИМФЕРОПОЛЬ — ДЖАНКОЙ

В вагоне было сумрачно и душно, пахло потом и какой-то кислятиной. Проталкиваясь между полками к своему месту, Андрей старался не задевать лицом человеческие ноги, тут и там торчащие в проход с верхних полок. Вдруг на его пути выросла невысокая фигура в расхристанном кителе с сержантскими погонами и в фуражке набекрень, из-под которой выбивался отросший не по уставу русский чуб. Дембель стоял на ногах нетвёрдо, но рукой крепко сжимал початую бутылку. Лицо его покрывала трёхдневная щетина, подворотничок был сер от грязи.

— Здорово, брат! — Дембель кинулся к Андрею так, будто они были закадычными друзьями. — Как дела?

— Дела у прокурора, — отшутился Андрей и сделал попытку протиснуться между сержантом и переборкой. Но тот жаждал общения.

— Откуда будешь? Из какого города?

— Из Москвы, — пришлось ответить Андрею.

— Земе-е-ля! — Лицо дембеля расплылось блаженной улыбкой. — Я ж сам с Ярославля! Земе-е-ля!... — Он заговорщически придвинул лицо к Андрею и, указывая на бутылку, добавил тихо: — Кирнём, братан? Водка есть... Ну выпей со мной, земля... Я ж, понимаешь, один пить не могу. А тут, — он махнул рукой, — одни, бля, трезвенники и дети...

— Не сейчас, — вежливо, но твёрдо ответил Андрей и уже без церемоний отодвинул сержанта в сторону. С этого момента дембель обрёл имя, под которым он и будет выступать до конца нашего рассказа — Земеля.

Отбившись от навязчивого солдата, Андрей тут же забыл о его существовании. Но ты, читатель, не упускай его из виду. С ним мы ещё не раз встретимся в этом поезде. Этот нелепый человечиска станет немаловажным, а в чём-то даже одним из главных персонажей этой повести. Почему — это ты, читатель, узнаешь в конце.

Андрей занял верхнее место номер 16 в четвёртом отсеке. Забросив рюкзак на багажную полку, он присел внизу и стал изучать обстановку. Пионеры разместились в первых трех отсеках вагона, а две девушки-вожатые оказались соседками Андрея по купе — они занимали нижние полки. Позже Андрей узнает, что обеих зовут Наташами, и назовёт их про себя — Наташа Светленькая и Наташа Тёмненькая. На второй верхней уже ехал парень лет двадцати пяти с сильно загорелым и обветренным лицом. Его мускулистые руки и мозолистые ладони выдавали привычку к физическому труду. Занятой оказалась и верхняя боковая полка. На ней, лицом к стене, лежал какой-то человек, с головой накрытый простынёй, из-под неё виднелись только рыжего